

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31249/rsm/2018.02.01

В.Н. Чернега

РОССИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ. ОБ УРОКАХ ИСТОРИИ

Аннотация. Автор статьи представляет свои размышления об Октябрьской революции 1917 г. Особое внимание уделяется проблеме уроков истории, которые возможно извлечь из подобных исторических катаклизмов. На основе анализа глубинных причин революции показывается, как нерешенные вовремя проблемы общественного развития накапливаются и создают горючий материал для революционного взрыва. Автор проводит параллели между прошлым и настоящим России, иллюстрируя повторяемость исторического процесса, основанную на принципе «одни и те же причины влекут одни и те же последствия».

Ключевые слова: Октябрьская революция, причины, связь с далеким прошлым, нерешаемые проблемы, параллели с настоящим.

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник, консультант Совета Европы,
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.
E-mail: vladimir.tchernega@free.fr; v.n.tchernega@gmail.com

V.N. Chernega. Russia Between the Past and the Future. About the Lessons of History

Abstract. The article makes an attempt to contribute to the ongoing discussion related to the centenary of the October revolution. A particular attention is paid to the lessons of history that need to be drawn from such historical cataclysms. The deep causes of the revolution, rooted in the fairly distant past, are highlighted. The article shows how the problems of social development, not resolved in a timely way, accumulate and create combustible material for revolutionary explosion. The recurrence of historical processes is analyzed in light of the principle «the same causes lead to the same consequences».

Keywords: October revolution, causes, connection with the distant past, unsolved problems, parallels with the present.

**Chernega Vladimir Nicolaevich – Doctor of Law, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, the leading researcher, the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: vladimir.tchernega@free.fr; v.n.tchernega@gmail.com**

Столетняя годовщина Октябрьской революции 1917 г. отмечалась в России довольно скромно, во всяком случае несоизмеримо с той ролью, которую она сыграла в судьбах страны и мира. Было видно, что российские правящие элиты, демонстрируя общее негативное отношение к Октябрьскому перевороту (равно как и к Февральской революции), старались не углубляться в оценки причин этих исторических событий. Хотя В.В. Путин в своем выступлении на заседании Валдайского клуба в октябре 2017 г. говорил о накопившихся неразрешенных внутренних противоречиях, которые привели к революционному взрыву, достаточно детального и глубокого анализа этих противоречий со стороны элит не последовало. Не было и попыток увидеть какие-либо параллели между дореволюционным прошлым и сегодняшней российской ситуацией, хотя история, как давно было сказано, имеет тенденцию развиваться по спирали. Вместе с тем была заметна тенденция объяснить если не причины, то сам факт революционного переворота с конспирологических позиций, т.е. внешним или внутренним «заговором», или обоими сразу.

В связи с этим уместно вспомнить высказывание британского писателя Б. Шоу, что единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что никто и никогда не извлекает из нее уроков. Конечно, это преувеличение в духе британского юмора, но в нем содержится предостережение об опасности забвения прошлого, в том числе, казалось бы, достаточно далекого, ибо связь времен проявляется независимо от того, признают ее или нет. Если в прошлом не были решены фундаментальные проблемы общества и государства, они обязательно проявятся в настоящем и вполне могут предопределить будущее. Россия, возможно, один из самых ярких тому примеров.

Хотя на тему дореволюционной истории России написаны тысячи трудов, в том числе за рубежом, представляется полезным напомнить, пусть в самом схематическом виде, о некоторых моментах, которые побуждают задуматься о повторяемости исторического процесса и его результатах. Наверное, самым показательным в этом отношении является период после Венского конгресса 1815 г., т.е. после победы над наполеоновской Францией. Автору довелось участвовать в подготовке нескольких томов «Документов внешней политики Российской империи», подготовленных МИД СССР. Относящиеся именно к этому периоду документы из архивов МИДа убедительно показывали, что Россия находилась тогда на пике своего геополитического влияния. Она помогала восстановить военную мощь Испании и поставляла

этой морской державе фрегаты, занималась проблемами королевского дома Португалии, активно участвовала в делах германских государств, покровительствовала США, считавшимся тогда «задворками цивилизации». Особенностью внешней политики было то, что из всех держав-победительниц именно Россия наиболее последовательно проводила линию Венского конгресса на неприятие революций, несмотря на то, что в ряде случаев это вредило ее геополитическим интересам.

Яркий пример – направление в 1849 г., по приказу Николая I, российского экспедиционного корпуса под командованием генерала И.Ф. Паскевича для подавления, по просьбе австрийского императора, венгерского национального восстания, вспыхнувшего в 1848 г. Насколько это соответствовало геополитическим интересам России, продемонстрировали события Крымской войны 1853–1856 гг. Австро-венгерская империя, как известно, не только не поддержала Россию, но и заняла позицию «враждебного нейтралитета», лишний раз подтвердив, что в политике, особенно международной, благодарности не бывает.

Крымская война показала, что Россия, при всех атрибутах державного величия, была к тому времени «колоссом на глиняных ногах». Техническая отсталость армии и флота, вытекавшая из общей отсталости экономики, бездарность значительной части высшего командования свели на нет героические усилия участников обороны Севастополя. Не пережив неожиданного унижительного поражения, Николай I скоропостижно скончался. А ведь во время Наполеоновских войн и некоторое время спустя Российская армия по уровню вооружений не уступала лучшим армиям Европы.

Академик Е.В. Тарле, опубликовавший в 1918 г. монографию «Запад и Россия» (впоследствии он создал «Историческую библиотеку. Запад и Россия в прошлом»), проанализировал экономическую ситуацию в России со времени Петра I до Крымской войны. Он указывал, что благодаря Петровским реформам страна достигла пика промышленного производства при Екатерине II, обогнав в ряде областей Великобританию и Францию. В последующий период российская промышленность неуклонно отставала количественно и качественно от индустрии этих двух держав. Причина состояла в архаичном социально-экономическом укладе, основанном на крепостном праве и препятствовавшем развитию капитализма [4, с. 15–28].

Е. Тарле, как и многие другие историки, отмечал, что Екатерина II, Александр I и Николай I понимали необходимость отмены крепостного права. Однако, во-первых, опасались, что такая реформа подорвет основы самодержавного строя, во-вторых, должны были считаться с крайне консервативным настроением правящего класса, состоявшего в основном из помещиков-крепостников. Более того, при Екатерине II крепостное право было распространено на значительную часть казенных и монастырских крестьян. Она

также закрепостила значительное число прежде свободных крестьян на Украине. Как известно, Александр II, в 1861 г. наконец «даровавший волю» крестьянам, освободил их без земли.

О запоздалости и половинчатом характере этой реформы много писалось в дореволюционный период, и еще больше – в советское время. Многие историки считали и считают, что именно эти факторы в конечном счете обернулись революциями, которые России довелось пережить в 1905 и 1917 гг. Однако, как подчеркивает академик Ю.С. Пивоваров, даже в 1861 г., когда крепостное право выглядело очевидным анахронизмом, только такая «компромиссная» реформа могла быть принята правящим классом. Более продвинутый вариант мог обернуться опасностью для самого императора [3, с. 110].

Настрой правящего класса, его нежелание что-либо менять в существовавшей системе хорошо выразил шеф III Отделения Тайной канцелярии граф А.Х. Бенкендорф своей знаменитой фразой о том, что «прошлое России блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение». В 1832 г. заместитель министра народного просвещения граф С.С. Уваров сформулировал принципы, на которые система должна была опираться: «Православие, самодержавие, народность». Необходимость этого объяснялась, помимо прочего, защитной реакцией на революционное брожение в Европе, в частности на революции 1830-х годов во Франции и Бельгии. В официальной риторике подчеркивался «особый путь России», ее близость к Востоку, а не к Западу. Критик этой тенденции П.Я. Чаадаев, который после публикации в 1836 г. первого «Философического письма» был официально объявлен психически больным, писал в своей «Апологии сумасшедшего»: «Новейший патриотизм объявляет нас любимейшими чадами Востока. “С какой стати, – говорит этот патриотизм, – мы будем искать света у западных народов? Разве мы не имеем у себя всех зародышей социального строя бесконечно лучшего, чем социальный строй Европы? И разве, в самом деле, Запад является родиной науки и глубокой мудрости? Всякий знает, что родина всего этого – Восток”» [6, с. 530].

При этом российская власть проявляла крайнюю чувствительность к тому, что говорилось и писалось о России в западных странах. Когда в 1843 г. французский аристократ А. де Кюстин по итогам своего посещения империи опубликовал весьма критическую книгу «Письма из России. Россия в 1839 году», ответ на этот «пасквиль» стал государственным делом. По иронии судьбы А. де Кюстин приезжал в Россию, чтобы убедиться в преимуществах монархического строя перед республиканским. Однако увиденное сильно поколебало его убеждения. Он описал раболепие вельмож перед императором, всевластие и произвол чиновничества и полиции, повсеместное взяточничество, казнокрадство, ужасы крепостного права и его развращающее

влияние не только на помещиков, но и на крестьян. Они реагировали на угнетение лукавством и нежеланием работать [7, р. 104–114]. Книга стала бестселлером и была переведена на основные европейские языки.

Неудивительно, что Николай I и приближенные к нему сановники озаботились улучшением имиджа России за рубежом. А.Х. Бенкендорф поручил эту задачу дипломату и поэту Ф.И. Тютчеву, который затем получил и поддержку императора. Насколько успешно Ф.И. Тютчев выполнил задачу, неизвестно, но впоследствии он был назначен старшим цензором МИДа, руководителем Комитета иностранной цензуры и удостоился высших званий и орденов империи.

Ф.И. Тютчев прославился не только проникновенными строками: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». В своих трудах он также доказывал преимущество русского народа перед европейцами, которых критиковал за меркантильность и «разложение». Русские, как он подчеркивал в незаконченном трактате «Россия и Запад», отличались от них «самобытной душой», в частности приверженностью православию, «имперской державности» и самодержавной власти. В статье «Россия и революция», написанной в ответ на европейские революции 1848–1849 гг., он указывал, что в мире было только две силы – деградирующая революционная Европа и духовно более сильная консервативная Россия. Не обошел Ф.И. Тютчев вниманием и отмеченную выше книгу А. де Кюстина. По его словам, она явилась «примером умственного бесстыдства и духовного разложения» [5, с. 36].

Крайний консерватизм правящего класса сделал его неспособным вовремя адаптировать систему власти к вызовам времени во имя собственных долгосрочных интересов. Среди ведущих европейских держав Россия дольше всех сохраняла самодержавный строй. Великобритания еще в XVII–XVIII вв. перешла к более гибкой государственной структуре с законной и мирной сменой правящих «команд» на основе выборов в парламент. Франция окончательно сделала это только в 70-е годы XIX в. Германская империя, официально образовавшаяся в 1871 г., занимала промежуточное положение, поскольку сочетала элементы абсолютизма и парламентаризма.

В России даже такой крупный реформатор, как Александр II, модернизовавший в европейском духе многие области государственной жизни, не рискнул или не успел ввести конституционную монархию. После его убийства революционерами-террористами пришедший к власти Александр III быстро положил конец любым попыткам хоть как-то смягчить самодержавие. В своем манифесте 28 апреля 1881 г. он объявил, что «будет обсуждать судьбы империи только с богом». Как отмечал позже историк-белоэмигрант, убежденный монархист К. де Грюнвальд, удостоившийся за свои труды звания члена-корреспондента Французской академии, «император больше опасался либералов, чем революционеров» [8, р. XVIII].

Николай II, как известно, решился «даровать» стране Государственную думу, наделенную рядом полномочий, и основные гражданские свободы (знаменитый манифест 17 октября 1905 г.) лишь после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг., в условиях вспыхнувшей революции и под давлением ряда высших сановников. Однако в дальнейшем, по свидетельству С.Ю. Витте – одного из авторов манифеста, назначенного затем премьер-министром, усилия окружения императора были направлены на то, чтобы выхолостить суть этой реформы [1, с. 576–578]. Впрочем, окружение прекрасно знало, чего хотел император.

Вместе с тем деятельность Государственной думы, часто подававшейся соблазну демагогии и популизма, показала, что, чем жестче политический режим, чем больше он изолирует оппозицию от государственных дел, тем безответственной эта последняя ведет себя и тем оказывается менее способной к управлению государством, когда приходит к власти. События между Февральской и Октябрьской революциями продемонстрировали эту закономерность особенно ярко. Иными словами, чрезмерно жесткая система власти создает ситуацию замкнутого круга, вырваться из которой чрезвычайно трудно. Забегая вперед, приходится констатировать, что России не удается выйти из нее до сих пор.

Конечно, существовали объективные причины, осложняющие переход к менее жесткой организации государственной власти, – огромные размеры страны и наличие в ней частей, которые весьма различались по уровню социально-экономического развития, национально-этническому составу, религиозным верованиям, культурным традициям. До 1914 г. действовали, например, один гражданский кодекс для российских губерний и другой, более «продвинутый», – для Польши и Прибалтики. Великое Княжество Финляндское имело собственную полицию и таможенную службу, а в среднеазиатских владениях для ряда категорий дел функционировали суды кади, имевшие право выносить приговоры на основе обычного права и норм шариата.

В этих условиях авторитарное правление казалось наиболее удобным и надежным способом обеспечивать единство страны. Проблема была в том, что из-за чрезмерной жесткости оно не позволяло нормально развиваться живым силам общества, обеспечивать эволюционным путем приемлемые компромиссы между консервативными и либеральными силами, между старыми и поднимающимися фракциями элит, своевременно отвечать на формирующиеся новые потребности, в частности в большем социальном прогрессе и справедливости.

В результате накапливались противоречия, не находившие своего разрешения. Конечно, благодаря реформам Александра II и ряду «технических» улучшений в области промышленной деятельности и торговли, при Александре III и Николае II Россия смогла несколько преодолеть к 1914 г. свое

отставание от Великобритании, Германии и Франции. С одной стороны, она обгоняла их по темпам промышленного развития, с другой – являлась «житницей Европы». Однако при этом она все же значительно уступала этим державам не только по объему, но и по технологическому уровню экономики. В России был самый большой разрыв между богатыми и бедными и самое большое число людей, живущих в ужасающей нищете. Увеличившийся экспорт зерна, особенно после аграрной реформы П.А. Столыпина, обострил проблему голода, который регулярно уносил сотни тысяч жизней в регионах с рискованным земледелием. Подъем науки, формирование европейски образованных элит сочеталось с неграмотностью почти 80% населения, в основном крестьян, живших вне современной цивилизации.

Продолжая этот ряд, стоит сослаться на известного российского философа И.А. Ильина, высланного из советской России в 1922 г. вместе с другими известными представителями интеллигенции. В работе «Яд большевизма», опубликованной в 1924 г., в числе главных причин Октябрьской революции Ильин называет «недостаток правильного хозяйственного устройства». Речь шла, в частности, о «неутвержденности частной собственности, недостаточной вере в честный труд и воле к наживе не через труд, необеспеченности нормального правопорядка, задержанности хозяйственного самовложения» и в конечном счете преобладании экстенсивного хозяйствования, ставке не на его качество, а на объем [2, с. 104].

Казалось бы, речь идет о хорошо известных фактах. Однако, как говорил в свое время британский философ Т. Гоббс, если бы математические аксиомы противоречили человеческим интересам, они бы были незамедлительно опровергнуты. Сегодняшние утверждения ряда российских политиков и интеллектуалов, что Россия в 1914 г. была «развитой» державой, но ее процветание было подорвано злокозненным Западом, втянувшим империю в Первую мировую войну, отражают нежелание, по крайней мере части нынешних правящих элит страны, признавать уроки истории. Между тем еще до названной войны отдельные провидцы из правящего класса, в частности уже упоминавшийся С.Ю. Витте, указывали на крайнюю опасность неразрешившихся противоречий для судеб империи и монархии. Однако правящая верхушка эти предостережения проигнорировала. Война же эти противоречия усугубила и обострила, заодно обнажив коррупцию, разложение и некомпетентность во властных сферах.

Конечно всякое сравнение хромает, тем более что от советского периода нам достались не только отголоски тоталитарного репрессивного режима, но также образованное общество, развитая наука, основы социальной защиты и современного здравоохранения. Парадоксальным образом советская власть, представляя себя антитезой капиталистической Европе и Западу в целом, окончательно превратила Россию в европейскую страну, добившись все-

общей грамотности, подъема науки, развитого высшего образования на основе европейских образовательных стандартов и европейской культуры. Тем не менее сравнивая современную Россию с Россией дореволюционной нельзя не видеть сходства ряда фундаментальных проблем, без решения которых страна не может рассчитывать ни на прочную внутреннюю стабильность, ни на устойчивое достойное место в мире, даже притом, что в последнее десятилетие она существенно увеличила свой геополитический вес. Хотя в принципе эти проблемы известны, стоит хотя бы кратко остановиться на них.

Экономика

Несмотря на победные реляции и некоторые реальные успехи последнего времени, Россия в технологическом отношении остается вне группы ведущих стран, которая к тому же пополняется новыми членами (Китай, Индия). В контексте цифровой революции, перспектив, связанных с созданием искусственного интеллекта, это чревато постепенным ослаблением или даже утратой обороноспособности и геополитической маргинализацией. Конечно, можно повторить опыт СССР, который вкладывал большие ресурсы в оборонную сферу, но чем это закончилось, хорошо известно. Кроме того, российская экономика в последние десять лет почти не росла в количественном отношении, что ограничивает ее возможности.

Российская власть неоднократно указывала на внутренние причины отставания: зависимость от нефтегазового сектора, чрезмерный вес государства в экономической жизни, недостаточное развитие мелкого и среднего предпринимательства, сильное давление на бизнес бюрократического аппарата, неэффективная судебная система, колоссальная коррупция. В более широком плане играют негативную роль те же факторы, которые в свое время отмечал И.И. Ильин: неутвержденность частной собственности, необеспеченность равенства граждан перед законом, мотивация не к труду, а к жульничеству и т.п. Хотя некоторые частные улучшения в ряде областей имеют место, в целом все эти проблемы остаются нерешенными уже длительное время. Стоит подчеркнуть также, что об экономической слабости России говорят не только ее недруги, муссирующие тезис об «угасающей державе», но и «дружественные» китайские СМИ. Они, кстати, указывают на названные выше проблемы как на главное препятствие для китайских инвестиций в российскую экономику.

Социальная сфера

Для России характерен колоссальный разрыв между бедностью и богатством, которого нет ни в одной развитой европейской стране. По разным подсчетам, разница в доходах между 10% россиян, находящихся на верхней

ступени этой «лестницы», и 10% находящихся «внизу», составляет 25–27 раз. Для сравнения: в ЕС, где разрыв также увеличился после кризиса 2008 г., этот показатель составляет 8–10 раз. Число бедных, если применить критерии ЕС (менее 60% среднедушевого дохода на члена семьи), в России превышает 40%. Во Франции, например, в условиях еще непреодоленного кризиса бедных насчитывается 12%. При этом уровень социальной защиты населения в нашей стране (пенсии, пособия, медицинское страхование) – один из самых низких в Европе. Россия вкладывает в образование и науку на душу населения примерно в 2 раза меньше, чем другие развитые страны. Общий социальный бюджет России составляет около 25–27% ВВП, в Германии или Франции – 40–42%. Конечно, можно утешаться тем, что в соседней Украине эти показатели еще хуже, но вряд ли это снимет проблему повышения качества человеческого капитала и слабой социальной сплоченности общества, которая может проявиться при первом же потрясении. Призывы к общественной консолидации на почве патриотизма и традиционных ценностей не смогут долго заменять реальный социальный прогресс.

Ситуация усугубляется проблемой, которой не было в Российской империи, – все более неблагоприятной демографической ситуацией. В предкризисные годы российская власть смогла несколько ее улучшить, но добиться хотя бы простого воспроизводства населения все же не удалось. В 2016–2017 гг., как известно, из-за низкой рождаемости в 90-е годы Россия оказалась в «демографической яме». В результате население России к 2030 г. может сократиться с нынешних 146 млн человек до 135 или даже 130 млн. Очевидно, что для самой большой страны мира это чревато не только серьезными экономическими, но и геополитическими последствиями. Конечно, экономический урон можно несколько ослабить ощутимым повышением производительности труда и / или увеличением притока иностранной рабочей силы. Однако первому препятствуют отмеченные выше структурные слабости, второе несет в себе риски, связанные с проблемами интеграции в российское общество все большего числа мигрантов.

Политическая система

Ее заслугой является поддержание определенной политической стабильности в стране. Вместе с тем из-за недостаточной гибкости она сковывает живые силы общества (что сказывается и на предпринимательской инициативе), не обеспечивает необходимую конкурентность в политике и экономике и, соответственно, формирование элит по профессиональным качествам. Обновление губернаторского корпуса, создание кадровых резервов, в частности в партии «Единая Россия», сами по себе являются положительными факторами, однако принципиально ситуацию не меняют.

Очевидно, что России для дальнейшего развития необходима политическая система, основанная на другом балансе конкуренции, частной инициативы, роли гражданского общества, с одной стороны, и управляемостью политическими, экономическими и социальными процессами в рамках вертикали власти – с другой. Речь идет не о «безбрежной» демократии, как на Украине. В России, где, как и в дореволюционные времена, существуют свои Запад, Восток, Север и Юг, без сильной президентской власти не обойтись. Видимо, неизбежна и определенная сакрализация и персонификация власти, тем более что, пусть в меньшей степени, они существуют и в некоторых вполне демократических странах. Во Франции, например, Ф. Олланд захотел быть «нормальным» президентом, т.е. вести себя как обычный гражданин, но французы в большинстве своем этого не одобрили. Нынешняя конфронтация между Россией и США, где влиятельные силы стремятся с помощью давления извне добиться смены режима, также не располагает к рыхлой властной модели.

Российские оппозиционеры-демократы, считающие, что для решения проблем страны будет достаточно быстро поставить ее на либеральные демократические рельсы, ошибаются так же, как «младореформаторы» начала 1990-х годов, верившие, что «рынок все урегулирует». Да и опыт реформ М.С. Горбачёва показал, что демократизация системы должна быть продуманной и эволюционной. Главное, чтобы властная верхушка понимала, что без нее не обойтись, что застой, чрезмерная жесткость в отношении самостоятельного начала в гражданском обществе, экономике или политике опасны даже для их же собственных долгосрочных интересов, не говоря уже о стране. Первым шагом должно быть смягчение условий для проведения митингов и демонстраций, являющихся естественным «клапаном» для выхода накапливающегося недовольства. Возможно, стоит подумать также о возвращении в избирательные бюллетени графы «против всех», которая позволила бы судить об общественных настроениях лучше любых социологических исследований. Императивы социальной справедливости и сплоченности требуют возвращения к прогрессивному налогообложению. В любом случае это темы для открытой общественной дискуссии.

Поскольку, к сожалению, ведущие фракции российских элит демонстрируют такое же нежелание менять что-либо в существующей системе, какое было свойственно основной массе правящего класса Российской империи (и СССР), заставить их хотя бы в какой-то мере пожертвовать сиюминутными выгодами и интересами ради собственного будущего может только верховная власть. Массовая общественная поддержка В.В. Путина обеспечивает ему необходимую легитимность для проведения соответствующего курса.

В статье не были затронуты вопросы внешней политики России, так как это отдельный большой сюжет. Стоит, однако, хотя бы обозначить один из них, имеющий прямое отношение к затронутой теме. Новый «поворот России

на Восток» (первый имел место в последние десятилетия XIX – начале XX в. и вызвал Русско-японскую войну), несмотря на заверения о продолжении «многовекторной» политики, повлек за собой определенное ослабление активности на европейском направлении. Конечно, мир давно уже не европоцентричный и Россия должна сотрудничать с формирующимся центром экономической мощи в Азии, тем более что к этому толкает и конфронтация с США и их союзниками. Однако в обозримом будущем только Европа может быть источником новых технологий, необходимых для модернизации российской экономики. Даже Китай, вкладывающий огромные средства в развитие науки, высокотехнологичных отраслей экономики и альтернативных источников энергии, все еще в значительной степени зависит в этом от Запада.

Стоит отметить, что после Брексита, избрания президентом Д. Трампа с его лозунгом *America first*, в контексте очевидного кризиса Евросоюза, в европейском общественном мнении, как показывают опросы, возрос интерес к диалогу и взаимодействию с Россией. Определенные сдвиги заметны и в правящих кругах ряда стран. Президент Франции Э. Макрон, например, в своем выступлении в Европейском суде по правам человека 31 октября 2017 г. призвал Россию «оставаться в нашем общем доме», подчеркнув при этом, что «мы обязаны говорить о демократии и правах человека, но должны избегать поучений» [9]. Некоторый интерес к возобновлению контактов с Россией наблюдается даже в Польше. Появляется шанс на смягчение санкционной политики Евросоюза.

Российская дипломатия должна воспользоваться новыми возможностями. Это тем более необходимо, что в Евросоюзе существует и другая тенденция к тому, чтобы добиваться восстановления его единства, продвигать идею строительства «европейской обороны», используя «страшилку» пресловутой «российской угрозы».

Библиография

1. Витте Ю.В. Воспоминания. Мемуары. Минск: Изд-во Харвест; М.: Изд-во АСТ, 2001. 800 с.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений. М.: Русская книга, 2001. Т. 18. 400 с.
3. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015. 332 с.
4. Тарле Е.В. Запад и Россия. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1918. 198 с.
5. Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 592 с.
6. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. 768 с.
7. Custine de, A. *Lettres de Russie. La Russie en 1839*. Paris: Editions Gallimard, 1975. 414 p.
8. Grunwald de, C. *Le Tsar Nicolas II*. Paris: Editions Berger-Levrault, 1965. 385 p.

9. Transcription du discours du Président de la République à la Cours européenne de Droits de l'Homme // Elysee.fr. 2017. 1 Novembre. URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/transcription-du-discours-du-president-de-la-republique-a-la-cour-europeenne-des-droits-de-l-homme/>

References

- Chaadaev P.Ja. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma. Moscow: Nauka, 1991. Vol. 1. 768 p.
- Custine de, A. Lettres de Russie. La Russie en 1839. Paris: Editions Gallimard, 1975. 414 p.
- Grunwald de, C. Le Tsar Nicolas II. Paris: Editions Berger-Levrault, 1965. 385 p.
- Il'in I.A. Sobranie sochinenij. Moscow: Russkaja kniga, 2001. Vol. 18. 400 p.
- Pivovarov Ju.S. Russkoe nastojashhee i sovetskoe proshloe. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ; Universitetskaja kniga, 2015. 332 p.
- Tarle E.V. Zapad i Rossija. Saint Petersburg: Sankt-Peterburzhskij universitet, 1918. 198 p.
- Tjutchev F.I. Rossija i Zapad. Moscow: Institut russoj civilizacii, 2011. 592 p.
- Transcription du discours du Président de la République à la Cours européenne de Droits de l'Homme // Elysee.fr. 2017. 1 Novembre. URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/transcription-du-discours-du-president-de-la-republique-a-la-cour-europeenne-des-droits-de-l-homme/>
- Vitte Ju.V. Vospominanija. Memuary. Minsk: Izd-vo Harvest; Moscow: Izd-vo AST, 2001. 800 p.